

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buencs Aires, sabado 14 de mayo de 1983

Буэнос Айрес, суббота 14 мая 1983

№ 1712

МЫСЛИ В СЛУХ

Иррациональность многих современных социологических и политических доктрин основывается, между прочим, и на терминологических подлогах. Для того чтобы создать состояние коллективного психоза за или против какой-нибудь такой доктрины, масс-медия нуждаются в кратких, но ярких ярлыках, которые можно клеить направо и налево, до тошноты. Из-за спешки, а также и невежества, как заказчиков так и исполнителей таких кампаний, иногда “на вооружение” берутся слова и выражения в неточном и даже превратном смысле. Но, раз пустив в оборот такое неправильно понятое слово, затем уже поздно и невозможно его менять. Тогда делаются попытки замазать ошибку и как-то ее оправдать. Так ошибка по невежеству превращается в подлог.

Тремя наиболее яркими примерами такого терминологического подлога являются выражения демократия, республика и авторитарный строй.

Уже общеизвестно, что в течение десятков лет в переводах Аристотеля на современные языки, особенно латинские, каждый раз когда слово “демократия” характеризуется как плохой режим, оно переводится как “демагогия”, в то время как слово “политея”, со времен Цицерона уже переведенное на латынь как “республика”, переводится как “демократия”, чем не только нарушается первоначальное определение этих выражений, но и их этимологический смысл.

Что касается выражения “республика”, нужно отметить в первую очередь искажение идеологического содержания этого слова, употребляемого на ряду с демократией, без четкого размежевания между обоими понятиями. Не только сами его создатели, древние римляне, но и, например, испанцы в конце средних веков, вкладывали в него совсем иное значение чем современные идеологи, и уже во всяком случае отнюль не антирелигиозное.

Именно как раз римская республика и была вторым в истории политических учреждений авторитарным строем. Первым таким строем была римская монархия. В обоих случаях, авторитарность обозначала просто правовую строй, в котором нет места индивидуальному волюнтаризму, так как в нем полностью должна господствовать анонимная законность. То есть, обратное тому, что нам сегодня преподносят как смысл и значение этого выражения.

И. А.

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ БИ-БИ-СИ

ВЗЯТОЕ ГЛАВОЙ РУССКОЙ СЛУЖБЫ БАРРИ ХОЛЛАНДОМ У А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА К 20-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ “ОДНОГО ДНЯ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА”.

— Александр Исаевич, когда и как создавался “Иван Денисович”?

— Я в 50-м году, в какой-то долгий лагерный зимний день таскал носилки с напарником и подумал: как описать всю нашу лагерную жизнь? По сути достаточно описать один всего день в подробностях, в мельчайших подробностях, и день самого простого работяги, и тут отразится вся наша жизнь. И даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтоб это был какой-то особенный день, а рядовой, вот тот самый день, из которого складываются годы. Задумал я так и этот замысел остался у меня в уме, 9 лет я к нему не прикасался и только в 1959, через 9 лет, сел и написал.

— Были ли при публикации сделаны купюры? И сколько времени вы его писали?

— Писал я его недолго совсем, всего дней 40, меньше полутора месяцев. Это всегда получается так, если пишешь из густой жизни, быт которой ты чрезмерно знаешь, так что не то что не надо там догадываться до чего-то, что-то попытаться понять, а только отбиваешься от лишнего материала, только-только чтоб лишнее не лезло, а вот вместить самое необходимое.

— Были ли при публикации сделаны купюры и внесены изменения в текст, как это произошло с заглавием?

— Да, заглавие Александр Трифонович Твардовский предложил вот это, нынешнее заглавие, свое. У меня было “Щ-854. Один день одного зека.” И очень хорошо он предложил, так это хорошо легло. А что касается изменений серьезных в тексте, сам Твардовский не был расположен ничего менять. Но разумом редакция понимала, что надо бороться за то, чтоб обстричь когти, смягчить текст, и его заместитель Дементьев на заседании редакции произвел большую на меня атаку, он требовал многое снимать, например, разговор с баптистом весь снять, религию всю снять. А я настолько не добивался этой печати, я уже писал до этого больше 10 лет, и молчал уже 40 лет с лишним, я им сказал: “Знаете, не подходит — не печатайте. Я могу еще десять лет помолчать, ничего не случится”. И так, собственно говоря, вся его серьезная атака отлетела, ничего они не добились, были мелкие пожелания от того рецензата Хрущева, который все это проводил, чтобы

там снять лишнюю брань на конвой, ну, это я снял. А самого главного, надо сказать, как-то не заметили ни в редакции, ни даже, когда Хрущеву уже прочли и Хрущев утвердил эту вещь к печати. И вдруг спохватились, что там есть такое совсем страшное место. Это бригадир Тюрин в конце своего рассказа говорит, что однажды он встретил в лагере своего бывшего командира взвода, и тот ему сказал, что командир полка, который с ним расправился, и комиссар полка, оба в 37-м году расстреляны. И Тюрин говорит: “Все ж таки есть Ты, Создатель, на небе. Долго терпишь да больно бьешь”. Спыхватились, что удар уже не по сталинскому “культу личности”, а удар в самое сердце советской власти, что получается, что они, они это сделали собственными руками и вот наказание Божье. Схватились, и тогда мне из ЦК звонили, чтоб я снял это место одно. А я и тут сказал — нет, потому что я уже знал, что Хрущев разрешил, да я и это место ни за что бы не уступил, мне без него не надо. Итак, прошло в общем почти что без всяких существенных изменений.

— И существует ли первоначальный текст еще?

— Да, мы сохранили первоначальный текст, как он был еще в самом начале написан, и все последующие изменения. Серьезных изменений не было, ну так, редакторская работа, фонетическая работа была.

— Как, по-вашему, эти изменения не отразились на повести?

— На смысле повести несколько не отразились, несколько. В общем надо сказать, что удивительным образом прошла вещь, так, как была задумана, вот так целиком она и прошла.

— Существует ли прототип Ивана Денисовича или это собирательный образ?

— Ивана Денисовича я с самого начала так понимал, что не должен он быть такой, как вот я, и не какой-нибудь развитой особенно, это должен быть самый рядовой лагерник. Мне Твардовский потом говорил: если бы я поставил героем, например, Цезаря Марковича, ну какого-нибудь интеллигента, устроенного как-то в контуре, то четверти бы цены той не было. Нет, он должен был быть самый средний солдат этого ГУЛага, тот, на кого все сыпется. И хотя я знал конечно десятки и даже сотни

простых лагерников, но когда я взялся писать, то почувствовал, что не могу ни на ком остановиться одним, потому что он не выражает достаточно, отдельный, один. Итак, сам стал стягиваться собирательный образ. Станным образом, героя я взял — фамилию и наружность, своего солдата из батареи, вовсе не зека, он никогда в лагере не сидел, Шухов, был у меня такой солдат. А биографию я уже брал от других и все события жизни еще от третьих, от четвертых. Иногда собирательный образ выходит даже ярче, чем индивидуальный, вот странно, так получилось с Иваном Денисовичем.

— Расскажите, пожалуйста, что вы почувствовали 20 лет назад сразу после того, как в ноябрьском номере “Нового мира” была напечатана повесть “Один день Ивана Денисовича”.

— Должен сказать, что я не полностью осознал значение уже сделанного. Я понимал так, что это очень счастливый, неожиданный прорыв в советской толще, в этой глыбе, но нужно этот прорыв развивать и продолжать, как можно больше теперь двигать в этот прорыв. А Твардовский, напротив, уже понимал все значение того, что эта повесть напечатана в Советском Союзе. Мне-то казалось так, ну, не печатают в Советском Союзе, ну, через два-три-четыре года я напечатаю на Западе. Я не понимал значения всего того, что это именно в Москве напечатано. И когда 18 ноября я как раз в день публикации к нему пришел, он положил передо мной “Известия” со статьей Симонова, с похвальной статьей Симонова относительно “Ивана Денисовича”, и говорит: “Нате, читайте, смотрите что!” А я говорю: “Ах, Александр Трифонович, отложим это дело, давайте скорей думать, как нам следующие рассказы печатать”. Он даже разочарован был, что я совсем и не стал читать статью Симонова, уже потом. Вот так я был настроен, я настроен был, что это не уже сделанный какой-то шаг конечный, а что только начало, что теперь нужно начинать рвать.

— Показалось ли вам, что с публикацией “Ивана Денисовича” наступил переломный момент, наступила новая эра в советской литературе?

— Вот я всего этого не осознавал. Я только понимал, что это начало прорыва. Конечно, нужно прорывать и в других областях, не только мне и не только в литературе, и это

может стать поворотной точкой. Ну, конечно, ожидал контратаку, и сам я думал так, что, ну, через полгода меня уже начнут давить, так что надо вот за полгода что-то сделать. А сказать, чтобы это была новая эра в советской литературе? Для этого нужно было, чтобы она получила какую-то свободу. И в общем литературу-то зажали, зажали и не дали развиваться. Тогда, конечно, казалось, что успех будет большим, мы прорвем больше.

— Публикация "Одного дня Ивана Денисовича" неразрывно связаны с именем покойного главного редактора "Нового мира" поэта Александра Твардовского. Как вы думаете, если бы не Твардовский, возможно ли было ее издание каким-нибудь другим путем?

— Для того, чтобы ее напечатать в Советском Союзе, нужно было стечение совершенно невероятных обстоятельств и исключительных личностей. Совершенно ясно: если бы Твардовского не было как главного редактора журнала, нет, повесть эта не была бы напечатана. Но я добавлю. И если бы не было Хрущева в этот момент, тоже не была бы напечатана. Еще больше, если бы Хрущев именно в этот момент не атаковал Сталина еще один раз, тоже бы не была напечатана. Напечатание моей повести в Советском Союзе, в 62-м году, подобно явлению против физических законов, как если б, например, предметы стали сами подниматься от земли кверху или холодные камни стали бы нагреваться, накаляться до огня. Это невозможно, это совершенно невозможно. Система была так устроена и за 45 лет она не выпустила ничего, и вдруг вот такой прорыв. Да, и Твардовский, и Хрущев, и момент — все должны были собраться вместе. Конечно, я мог потом отослать за границу и напечатать, но теперь, по реакции западных социалистов, видно: если б ее напечатали на Западе, да эти самые социалисты говорили бы: все ложь, ничего этого не было и никаких лагерей не было, и никаких уничтожений не было, ничего не было. Только потому у всех отнялись языки, что это напечатано с разрешения ЦК в Москве, вот это потрясло. Да, вот такая роль была Александра Трифоновича Твардовского.

— В автобиографической книге "Бодался теленок с дубом", наряду с похвалой, у вас были критические замечания в адрес Твардовского. Сейчас, 20 лет спустя, как вы оцениваете личность и деятельность Александра Трифоновича?

— Не точно и не верно сказать, что у меня были похвалы и критические замечания. Я писал о Твардовском как о живом человеке, совсем, что в нем есть, и взлеты его, и падения его. Я смею сказать, что я создал портрет совершенно живого Твардовского, и ничего похожего не было сделано до меня, ни еще не знаю, будет ли после. Я очень его любил и даже не специально я задавался целью создать портрет, но когда писал, то много думал над ним. И я считаю, что вышли не критические замечания и похвалы, а живой памятник ему. Я видел, как Твардовский выполнял совершенно историческую задачу, попав в колеса чужой машины. Он был истинно народный крестьянский поэт и с этим здоровым крестьянским чувством он попал в ранний социалистический город, под колеса первых пятилеток. Имел

личный литературный успех, а дальше его начали перемалывать вот эти колеса проклятого советского сорокалетия. 40 лет его перемалывало, от 1930 года до 1970, до смерти. Совещания, заседания, звонки из ЦК, выговоры, партийные наказания, партийные обязательства, цензура, непрерывно давящая, тупая, идиотская цензура. У него были силы огромные, может быть богатырские, но все это перемололо то сорокалетие. И ему вкладывалась эта партийная идея как оправдание его существования, иначе бы он жить не мог. И вот у него получилось раздвоение сознания, художественного сознания свободного поэта и партийного сознания впряженного чиновника. И вот этот контраст и погубил его, потому что не может человек выдержать без потерь такое страшное напряжение, и целых 40 лет. У нас с ним были разногласия всегда тактические, он вел многолетнюю, многодесятилетнюю линию и считал, что вот такая тяжесть и будет, а мы медленно, постепенно будем размачивать эту советскую глыбу. А я считал, что нужно мгновенно действовать, молниеносно. Я считал, что нужно сию же минуту, как только напечатали "Ивана Денисовича"... Ко мне обращались газеты — "Известия", "Правда", "Литературная газета" — дайте кусочек, дайте откуда-нибудь, хоть из неоконченной вещи. А у меня уже "Круг первый" был кончен, я мог давать отрывки из "Круга первого", предполагал давать сталинские главы, я хотел в "Современнике" ставить пьесу, захватить как можно больше плацдарма, им нельзя будет потесниться назад. Вот так я считал. А Твардовский этого моего темпа не мог понять, он считал, что я ушиблен лагерем, от этого так боюсь, а что после такого успеха, когда меня признало ЦК, Хрущев, тут уже совершенно можно быть спокойным, что у нас есть многие годы. Я считал, что этих многих лет нет. Но эти вот тактические разногласия нас сильно разделяли и некоторые шаги свои я даже не мог ему открывать, настолько они были острые, резкие, потому что я считал, что надо бить по Союзу Писателей, бить по ЦК, бить по системе. А он не мог понять этой моей торопливости и напряжения. А я тоже не мог достаточно оценить вот этот его долгий, долгорассчитанный ход. Вот теперь, когда много времени прошло и можно оглянуться, в отдалении посмотреть, — можно сказать, что Твардовский лучше меня чувствовал дальнюю судьбу нашей литературы. Вот он сумел вести журнал с таким вкусом художественным, с таким чувством меры, с таким чувством личной ответственности и ответственности перед отечественной историей, какая сейчас необходима для нашей литературы в ее новом критическом моменте, а ее нет. Он исключительно был бы нужен сейчас, в момент, когда подходит, когда уже наступили годы, решается лицо будущей русской литературы, решается, как она, каким дыханием пойдет. Он был враг всякой авангардистской эквилибристики. Дело в том, что не одна цензура угрожает литературе, но личная безответственность угрожает ей не меньше. И вот эту личную безответственность мы сейчас видим кое-где там, где литературе удалось освободиться. Твардовский был в высочайшей степени ответственен перед ходом литературного корабля.

Вы упомянули статью Си-

монова. И в газете "Правда" от 23 ноября критик Ермилов, высоко отзываясь об "Иване Денисовиче", писал среди прочего: "Повесть Александра Солженицына, порою напоминающая толстовскую хадожественную силу..." Тогда — можно было предвидеть дальнейший ход событий, а именно, что ваши последующие произведения не выйдут в свет и вы сами станете объектом суровых осуждений?

— Вы знаете, вот именно так я и понимал, то есть — что хорошо, если полгода у меня есть, потом оказалось два месяца. Что мне будут сворачивать шею, я это знал, и нисколько я не был упоен тем, что меня восхваляет вся пресса, я в это не верил.

— За 20 лет после "Ивана Денисовича" на Западе вышли ваши главные работы: "В круге первом", "Раковый корпус", "Август Четырнадцатого" и наконец "Архипелаг ГУЛаг". Как вы сейчас относитесь к вашему первенцу?

— Всякий писатель наверно, так и я: переходя к новому произведению, уходишь в него весь, поэтому всегда живешь в новом произведении, в очередном, а старое отдалится. Так отдалился от меня и "Иван Денисович", да и еще во времени, настолько, что даже в каком-то смысле я уже ощущаю себя не совсем его и автором, а будто он уже отдельно от меня существует. И даже могу вместе с вами вот со стороны на него посмотреть. Он сделал очень большую тяжелую работу, прорыв в Советском Союзе — раз, и потом он в моей биографии сыграл ту большую роль, что он помог написать "Архипелаг". Из-за того, что я напечатал "Ивана Денисовича", в короткие месяцы, пока меня еще не начали гнать, ко мне сотни людей стали писать письма, а некоторые и приезжать, рассказывать еще. И так я собрал неопишущий материал, который в Советском Союзе и собрать нельзя, только благодаря "Ивану Денисовичу". Так что он сыграл еще и ту роль, что он стал как пьедесталом для "Архипелага Гулага".

— Это произведение оказало огромное влияние на общественное сознание целого поколения советских людей. Как вы думаете, оказала ли повесть влияние на дальнейшее развитие русской литературы?

— Мне трудно самому как автору говорить о прямых влияниях, о косвенных влияниях повести. Но дело в том, что свободной обстановки для того, чтобы проявить влияние, не было. Только быстро задавили "Ивана Денисовича" и меня, а потом изъяли его из всех библиотек. И растут следующие не только читательские, но и литературные поколения, не читавшие его. Поэтому не дали возможности, не дали времени ему проработаться.

— Хотелось бы попросить вас поделиться некоторыми впечатлениями о нынешнем состоянии литературы в СССР.

— Надо сказать, что русская литература, в общем, оказалась с крепким хребтом. Пережить 65 лет коммунистического гнета, цензуры, уничтожения — и все-таки, все-таки сохранить основную струю. У нас нельзя писать правды, большей части правды. Кажется, чем же тогда

литература существовать? Как ни удивительно, но у нас на родине есть группа писателей, которая в этих условиях умудряется сохранять литературу, полную богатого русского языка, и литературу, лично ответственную, с ответственностью автора и с ответственностью перед отечественной историей. И это обнадеживает меня, в том смысле, что когда крахнет цензура и будет кризисный выход из этого состояния в свободное, наша литература может быть убережена от тех ужасных опасностей, которые грозят литераторам, когда им открывается совершенно безответственная свобода, и они начинают бросаться в шальные эксперименты, и даже в брань, и даже в мат.

— И наконец, Александр Исаевич, расскажите, пожалуйста, над чем вы сейчас работаете? Что должно вскоре появиться в свет?

— Уже много лет я работаю над историческим повествованием "Красное колесо". Это повествование о том, как произошла революция в России и последствия ее, ранние советские годы. Это огромная вещь и она, по мере работы, еще, выясняется, больше, чем я думал. Она состоит из Узлов, Узлы — это книги отдельные, посвященные короткому важному времени, где решается история. Такой один Узел — "Август Четырнадцатого" — у меня будет напечатан полностью весной 83-го года. Раньше был один том только из него, а теперь добавится второй том, столыпинский, история деятельности Столыпина и смерть его, убийства. Второй том, второй Узел — "Октябрь Шестнадцатого", тоже у меня закончен, мы его сейчас набираем, и он может появиться в свет хоть в том же 83-м году, но может быть будет несколько дожидать иностранных переводов. И оба эти Узла каждый в двух томах. Следующий Узел — "Март Семнадцатого" — в четырех томах. Это огромная вещь. Это, собственно говоря, буквальная запись февральской революции, как она произошла, день за днем и час за часом, участвуют сотни исторических лиц и десятки вымышленных для того, чтобы подхватить этот материал. Не знаю, как в других литературах, но по-русски нет ничего такого, описать революцию всю в огромных движениях и в каждой мелочи. Вот поэтому это заняло четыре тома. Эту работу я почти кончил, так что в общем ее можно тоже очень вскоре, вслед за "Октябрем", набирать. Выпуск уже становится вопросом техники. Все вместе, вот эти восемь томов, составляют так называемое "Действие Первое. Революция". Собственно говоря, революция в России была одна, не Пятого года, и не октябрьская, а февральская, она есть решающая революция, которая и повернула ход нашей страны, да и всей земли. Октябрьская революция является почти эпизодом и во всяком случае следствием февраля. Следующее Действие — Второе, будет посвящено Семнадцатому году, течению Семнадцатого года. Этот год был до того насыщен событиями, что каждый месяц являлся как новая эпоха. И там у меня идут: Узел 4-й — "Апрель Семнадцатого", Узел 5-й — "Июнь-Июль Семнадцатого", Узел 6-й — "Август Семнадцатого", Узел 7-й — "Сентябрь Семнадцатого". Вот эти вот четыре узла составляют Действие Второе, течение самого Семнадцатого года. И к концу его, до октябрьской

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

РАЗГРОМ СОВЕТСКОГО ШПИОНАЖА

Пятого апреля парижские утренние газеты принесли сенсационную новость о высылке из Франции 47 человек советских граждан, из коих 40 дипломаты с семьями, а остальные — журналисты и служащие различных азных коммерческих организаций вроде Аэрофлота и Интуриста; в их числе и директор парижского отделения агентства ТАСС, Олег Широков. Главным лицом изо всей компании является старший советник посольства СССР, Николай Четвериков; о котором теперь стало известно, что он представлял собою резидента КГБ на Францию. Был он, как выясняется, особа почти невидимая, никогда не присутствовавшая на светских увеселениях; избегая показываться публично, он руководил всей шпионской сетью в стране из здания посольства на бульваре Ланн, в аристократическом 16-ом районе Парижа, близ Булонского Леса. Посольство это — огромное здание, подобное крепости, с хитрым переплетением внутренних коридоров и подземных ходов, наводящее некоторую жуть на жителей соседних домов.

Французская полиция оптимистически считает, что аппарат и структура чекистской работы в пределах Франции разрушены по меньшей мере на 2 года. Трудно, однако, разделить ее оптимизм. Согласимся скорее с сотрудницей "Фигаро" Ириной Шиковой, констатирующей: "каждый (из высланных) оставляет за собою налаженную сеть, которая сомкнется заново; агента, готового

занять его место; или *крота*, терпеливо южидующего своего часа" (а *крот* есть тайный провокатор, временно ничего не делающий противозаконного: он на месте и, когда надо, включится в работу). Во Франции насчитывается в целом 2406 советских граждан; а информаторы и сотрудники вербуются из местной левой интеллигенции и отчасти из русской эмигрантской молодежи.

Те же полицейские круги сообщают, что деятельность советских шпионов во Франции необычайно усилилась, начиная с ноября прошлого года; что слежка за ними велась давно и удар по ним исподволь подготавливался.

По слухам, Митерран отказался даже принять советского посла, Юлия Воронцова, намеревавшегося выразить протест. Кроме того, Франция высказала нежелание допустить новых дипломатов взамен изгнанных. Как отмечает печать, сходного прецедента не бывало еще в истории франко-советских отношений; за последние 20 лет было выслано по одиночке всего 15 человек. Что послужило толчком ко столь решительным действиям? Пресса указывает два скандальных случая, могших послужить поводом.

Один — загадочная смерть подполковника французской контр-разведки Бернара Нью, найденного 15 февраля с пулей в голове в окрестностях Ниццы, на пустынной дороге к Вальбергу. Убитый занимал важный пост в своей организации: ему был доверен контроль над

иностранным шпионажем на юго-востоке Франции. А здесь, в частности около Тулона, сконцентрированы имеющие большое военное значение объекты: арсеналы, базы атомных подводных лодок, радарные и ракетные установки и т. п. Предполагается, что Нью заманили на пустырь, где окончилась его жизнь, под предлогом встречи с одним из его осведомителей; и действительно, некто из его информаторов сбежал сразу же в Восточную Германию.

Подробности преступления неясны. Например, анализ крови жертвы показал высокий процент алкоголя; тогда как известно, что подполковник Нью не пил; он вообще был примерный семьянин, добрый муж и отец, совершенно несклонный к излишествам. Напрашивается мысль, что или его нарочно напоили или даже принудили пить насильно, чтобы запутать дело.

Только что перед гибелью он вернулся из деловой поездки в Италию, где он достал какие-то важные документы; судьба их неизвестна. Газета "Франс-Суар" уточняет, что бумаги эти касались покушения на римского папу и содержали подтверждение следа, ведущего в Болгарию, и далее к Андропову, бывшему в тот период возглавителем КГБ. Ввиду дальнейшей карьеры московского обер-чекиста, легко себе представить, насколько данные разоблачения могли бы быть неприятны большевикам и мировому коммунизму! Небезынтересно, что среди высылаемых сейчас на-

ходятся и служащие советского консульства в Марселе, в сферу которых подпадала и Ницца...

Другое дело в той же плоскости, хотя и менее громкое, это арест в Мо молодого француза, 25-летнего Патрика Герье, служащего в исследовательском комитете угольной промышленности, в момент, когда он передавал секретные сведения коммерческому атташе советского посольства.

Любопытно тоже, что высылки произошли не в одной Франции; в марте месяце некий советский дипломат был выпровожен из Мадрида, и тогда же — два советских журналиста и один дипломат из Лондона; откуда сейчас дополнительно высылают еще двух дипломатов и одного журналиста.

В связи с событиями стоит, возможно, и арест в Италии полтора месяца тому назад двух советских чиновников: заместителя директора Аэрофлота и одного из главных руководителей советско-итальянской нефтяной компании Нафта Италия. Римский корреспондент "Франс-Суар", Бодуэн Боллар, рассказывая об этом инциденте, сопоставляет его с темной ролью итальянского синдикалиста Луиджи Скричиоло, по его оценке — шпиона на жаловании у Софии. Покушавшийся на папу турок Али Акга обвиняет этого последнего в соучастии в подготовке покушения на Леха Валэнсу, при посещении тем Рима.

Французские коммунисты пока не реагируют. Ожидают инструкции из Москвы? Никто не ждал от Митеррана смелости и энергии, какие он вдруг проявил. Здешние журналисты лукаво намекают, что ему, может быть, нужно теперь зачем-то стало отмежеваться, в глазах общественного мнения и за границы, от союза с компартией.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Г. Л. ЛУКИН

По поводу одной статьи

В "Нашей Стране" № 1682 была напечатана статья В. Ф. Крамера "А вера в страну?" — касающаяся моего анализа в статье "О воспитании молодежи" ("Н. С." № 1674).

Первоначально я не хотел отвечать на эту статью так как находил, что В. Ф. Крамер пишет не на тему; а самое главное, что он приводит мою цитату не с начала, где говорится о идеальном русском воспитании, а с того места, которое ему кажется подходящим для того, чтобы на меня обрушиться и обвинить меня во всех грехах оголтелого старого эмигранта.

революции, переворота, уже совершенно понятно, что режим февральский упал и только приходи, бери кто хочешь, поднимай власть с земли. Так собственно октябрьский переворот и был сделан, кучкой людей, в одном городе за несколько часов, просто подняли упавшую власть. Я не знаю, как у меня будет с годами, со здоровьем, как Бог даст, вообще-то замысел мой продолжается дальше, но очень может быть, что жизни моей не хватит. Замысел у меня на 20 узлов, я должен был описать дальше гражданскую войну и первые годы становления советской власти до 22-го года, до конца подавления крестьянских восстаний. Но думаю, что мне уже жизни на это не хватит,

Однако, по просьбе моих доброжелателей и друзей, я пишу эти строки, чтобы указать В. Ф. Крамеру на его заблуждение. Этим объясняется такой поздний ответ.

Разбирая мой анализ, В. Ф. Крамер выделяет фразу: "Интересно то, что такие людям попав за границу в условиях свободы, редко могут всецело освободиться от того, что было вложено в них в детстве и молодости".

Однако, так оно и есть. Русский язык полон поговорок относящихся к влиянию среды на человека. А народная мудрость основана на огромном вековом опыте. Жившие в Польше, Югославии, Чехии, Франции, Германии русские люди все имеют в большей или меньшей мере печать этих стран. Еще более наглядно это влияние в Северной и Южной Америке. Об этом в эмиграции принято говорить и писать.

Люди прожившие 20 лет под советской властью, не составляют исключения и также, в большей или меньшей мере несут печать среды, в которой они жили и выросли.

Ни у одних ни у других, никто слова "Русский" не отбирает и не сомневается в том, что они способны думать по настоящему национально и религиозно.

Вопрос идет не об этом, а о том, что дается в воспитательном плане детям и молодежи в эми-

грации и на территории СССР.

Говоря о современной жизни наших соотечественников В. Ф. Крамер пишет: "Зачем говорить о переполненных молящимися, всех возрастов, церквях? — Ведь даже пожилые из этих молящихся родились уже при советской власти. А церкви в "свободной загранице" пустыют".

О переполненных церквях в СССР, сейчас говорить не будем, это отдельная тема, но о пустующих заграницей стоит побеседовать. Изю всей статьи В. Ф. Крамера явствует, что он себя отождествляет с русскими людьми, живущими сейчас на родине — ставя в противовес так называемую старую эмиграцию.

Однако и тут он ошибается. Его многолетнее пребывание за границей сделало из него матерого эмигранта "второй волны". Ему должно быть известно, что на сегодняшний день, в русской эмиграции "вторая волна" является подавляющим большинством. И если верить тому, — как он говорит, — что всякое влияние прошло бесследно, то тогда наши церкви заграницей должны были бы быть еженедельно переполненными. Прошло уже 40 лет, и не красивые слова, а дела дают нам право совершить правильный анализ.

Что же касается воспитательной работы Организации Российских Юных Разведчиков, упомянутой В. Ф. Крамером, скажу следующее. ОРЮР, ее школа и гимназия воспитывают детей истинно русскими, без иностранной и советской шелухи, нравятся это или нет. ОРЮР помогает

родителям вести своих детей именно этим путем. Родители не делают одолжения ни мне, ни организации, посылая своих детей, а пользуются патриотизмом, служением и идеализмом руководителей ОРЮР на благо своих сыновей и дочерей.

Для меня важно служит ли человек России. Если да, то он наш. Если нет, к какой бы он эмиграции не принадлежал, он обыватель, ищущий своих личных выгод.

Г. Л. ЛУКИН

Выписывайте со склада
"Нашей Страны"

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

все 5 частей в одном томе
Цена в Аргентине — 400.000 н. песо
В других странах 10 ам. долл.

И смех и грех...

Известный профессор осматривает пациента.

— Вам надо заняться физическим трудом, — говорит он. — Умственная работа вам противопоказана. Какая ваша профессия?

— Я секретарь КПСС.
— Ну, это можно...

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

СЕСТРА МОЯ...

Меня очень радует всякое стремление потрудиться на благо народа смутного, в переживаемое им ныне Смутное Время.

Каждый мужчина стремящийся к сему есть брат мой, равно как и всякая женщина подобная Татьяне Владимировне Киреевой-Дубровской, которая кротко, скромно и незаметно отдала русской эмигрантской газете свое здоровье, свое имущество и свою жизнь, есть сестра моя.

П. А. Журавлев (Германия)

ЕЩЕ ОБ "ОДИНАРНОМ"

Вернусь еще раз к дискутируемому слову одинарный.

В русском языке такого слова никогда не было; в частности, в весьма объемистом словаре И. Я. Павловского изд. 1900 г. такого слова нет. Есть слово ординарный — ординарная рама, ординарная нитка, т. е. не двойные. Но есть слово "одиначный" для обозначения чего нибудь простого, непарного, и "односный" — отдельный, один. Можно предположить, что выражение "одинарный" появилось после революции, когда всюду начальствовали люди полуграмотные, которые должны были для написания доклада или донесения к "бывшим людям" обращаться потому, что у него "мигрень в руке". Не понимая значения слова "ординарный" и считая его, вероятно, даже неправильным, они и переделали его по своему пониманию в одинарный.

Думаю, что таким объяснением дискуссия может быть закончена.

Е. Татомир (Аргентина)

АДМИРАЛЬСКАЯ ЛИПА

Вбуэносайресской газете "Ла Расон" от 25-го марта 1983-го года, в заметке посвященной прибытию советского океанографического судна "Адмирал Владимирский" со слов советского вице-адмирала В. И. Акимова напечатано, что в СССР сейчас "имеется 152 миллиона человек с высшим образованием".

Население Советского Союза составляет сейчас примерно 270 миллионов человек. Если откинуть детей и молодежь, которая по возрасту не могла еще получить высшего образования (редко 1-го кочает университет в 22 года) — то на взрослое население останется примерно 130 миллионов.

Получается явная неувязка, если даже допустить, что каждый черно-рабочий и каждый колхозник имеет высшее образование (!).

Не могли бы русские политические эмигранты обратиться с открытым письмом в "Ла Расон" и попросить доверчивую редакцию относиться критически к словам советских чиновников?

Инж. В. К. Филипов (Аргентина)

"ПОЛОЖИВШИХ ЖИЗНЬ"

9-го мая исполнилась годовщина со дня смерти нашей дорогой Татьяны Владимировны.

Мы всегда гордимся о ней и о ее самоотверженности, а также и о Всеволоде Константиновиче Дубровском, и тинных русских людей, пожизненных жизнь за мо-

нархическую идею.

Ольга и Иван Марьяновы (Чили)

ПРАКТИЧЕСКИЙ ШАГ

В № 1702 "Нашей Страны" помещена статья Анатолия Бора "О перспективах", в которой автор, говоря о положении крестьян в Советском Союзе, обращается к русской эмиграции с призывом, вместо отвлеченных рассуждений (и надо добавить, пререканий), сделать один практический шаг: подать протест в Международный Комитет по защите прав человека — против грубого нарушения этих прав в колхозах.

Такое выступление будет как раз тем, что должна немедленно и без колебаний выполнить эмиграция из СССР, — всех названий, взглядов и национальностей. Протест должен быть, по возможности, от лица всей эмиграции. Желательна поддержка протеста общественным мнением разных стран.

Для проведения в жизнь можно наметить следующие мероприятия, начиная их в Аргентине, поскольку в этой стране находится автор упомянутого предложения.

1. Составить предварительный проект протеста с подробным описанием настоящего положения колхозников (правового, материального, морального и пр.), стараясь подтвердить это ссылками на советские источники. Было бы естественно поручить это автору предложения А. Бору.

2. Привлечь как организаторов и исполнителей несколько энергичных лиц, лучше всего из молодежи, например из Организации Российских Юных Разведчиков, которые показали себя достаточно деятельными и предприимчивыми.

3. Просить местные русские газеты и национальные объединения принять участие в работе и, если потребуется, оказать официальную или юридическую поддержку.

4. Обратиться с такой же просьбой к тем аргентинским организациям (а может быть и просто к отдельным лицам), на сочувствие которых можно рассчитывать, не взирая на их политические взгляды.

5. Предложить русским газетам в других странах, а также представителям "Нашей Страны" и отдельным подписчикам провести на местах такую же работу.

6. В заключение потребуется создание объединяющего центра (по практическим соображениям удобнее всего в Соединенных Штатах) для сбора материалов из отдельных стран, редактирования окончательного обращения и подачи его в соответствующую международную организацию.

Возможные результаты предлагаемого выступления:

Некоторое влияние на положение колхозников самого факта совместного обращения в Международный Комитет, хотя бы оно и осталось без дальнейшего движения (что очень вероятно).

Небольшой шаг к сближению разных групп эмиграции, которым из простого сочувствия к подсоветскому крестьянству полагается присоединить свой голос в его защиту.

Напоминание на родине о нашем существовании.

К. Емцов (Аргентина)

НОВЫЙ АДРЕС И ТЕЛЕФОН
"НАШЕЙ СТРАНЫ"

Miguel Kireeff, Monroe 4329
1430 Buenos Aires, Argentina
Tel. 51-2685

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АЛЬМАНАХ "ВЕЧЕ"

Нам пишут из Мюнхена:

Издатель выходящего здесь альманаха "Вече" О. А. Красовский сообщил своим подписчикам о решении "ввести конкурсную систему оплаты гонимых авторам". На 1983 год определены следующие гонимые премии: 1-я премия — 1000 немецких марок; 2-я премия (две) по 500 немецких марок каждая; 3-я премия (три) по 300 немецких марок каждая; и еще 10 поощрительных премий по 150 немецких марок каждая. По словам О. А. Красовского

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель М. В. Киреев
Редактирует Редакционная
Коллегия

"число подписчиков на альманах "Вече" постоянно и быстро возрастает, материальная база нашего издания значительно укрепилась, что дает нам возможность часть имеющихся в нашем распоряжении средств выделить для выплаты гонимых авторам".

О. А. Красовский и Е. А. Вагин вызвали удивление многих своих читателей, объявив в передовице двойного номера 7-8, что "альманах "Вече", фактически, является сейчас единственным органом русской мысли".

Следовательно редакция альманаха не причисляет к "органам русской мысли" ни "Нашу Страну", ни "Наши Вести", ни "Русскую Жизнь", ни, наконец, "Русское Возрождение", журнал, членом редакционного совещания которого состоит сам Е. А. Вагин.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Парижская газета "Монд" от 19.4.83 г. сообщает следующее.

На пленуме ЦК после смерти Брежнева, премьер-министр Тихонов предложил избрать генсеком Черненко. Но министр обороны Устинов и министр иностранных дел Громыко настояли на том, чтобы избрать Андропова. Секретарем ЦК по оргвопросам, вместо ушедшего Кириленко, был избран Горбачев (второе место в ЦК). На 14 июня назначены Пленум ЦК, где будет избран президент.

Со своей стороны мы уже писали, что вероятный кандидат а президенты — Громыко. Теперь мы добавим, что вероятный новый премьер-министр — Устинов.

Американский профессор Д. Данлоп считает, что Горбачев возглавляет "русскую группу" в ЦК, куда входят также Гришин, Романов, Долгих, Соломенцев и Капитонов (журнал "22" № 23, стр. 178).

Советник президента США пресловутый Р. Пайпс пишет на эту тему: "Это преданные своей родине образованные русские националисты, которые убеждены, что политика вражды с США может стать разрушительной. Я думаю, что стоит пойти на поддержку этих элементов" (там же, стр. 190).

Языковые Уродства

НЕМНОЖКО ТЕОРИИ

Д. Ржанов (№ 1706) напрасно ссылается на Пушкина. Тот, забывая иные заботы, составил ряд заметок о языке и грамматике (об употреблении родительного падежа после глаголов с отрицанием, о множественном числе существительных на — ин и др.), на критику своих ошибок в слоге горячо отзывался, а противников на таких ловил. Еще укажу, что форма **кофий** вряд ли устарела; тем более в эпоху Чехова (у которого она, верно, если поискать, то и найдется).

Что до взгляда, что язык сам разберется — увы! Вот О. Сечина в том же номере 1706 "Нашей Страны" дельно говорит, что телевидение ныне штампует психику (кольми паче, язык) масс. А на наших глазах выкованные в СССР (и сверху!) слова и обороты внедряются и в эмиграции. Выходит, советское правительство запросто может навязывать свою волю не только подданым но и нам. Приготовят нужный, выгодный им графарет, и распространят насильно. Не надо думать, будто там никто не протестует. Лингвисты и писатели (например, Б. Тимофеев, А. Югов, А. Битов, даже угодливый Л. Успенский) пробуют возражать против нелепых новшеств; но они бессильны, и им быстро затыкают рот.

В то же время, Д. Ржанов предлагает восстановить фиту, ять и ижицу. Вот это, думаю, и невозможно и ненужно. Нет смысла и воевать против иностранных слов in corpore; хотя не стоит вводить **лишних и неудачных**. Тех же, что уже получили права гражданства, лучше не трогать. Пушкин как раз сказал:

Но панталоны, фрак, жилет, —
Всех этих слов на русском нет!

И как они быстро и прочно ассимилировались, обрasta чисто славянскими суффиксами, вроде **жилетка, фракная пара, паталончики!** Их теперь от русских и не отличишь...

Трудно мне согласиться со Ржановым и в том, что хорошие мысли доходят до публики даже и косноязычно выраженные. Вон у Тредьяковского их было много (опять же Пушкин ему отдавал должное) да над ним только смеялись! Настоящие мастера, столь разные как Ломоносов, Пушкин, Достоевский и сейчас Солженицын даже мелочам языка придают огромное значение; и не зря! Зато их голоса всегда хорошо и слышны...

Конечно, всякий смотрит по своему. Иному интересна политика, а язык безразличен. Меня же судьбы, и теперешние страдания нашего великого языка сильно волнуют и занимают; хочу надеяться, что если не все, то хотя часть читателей меня извинят.

Аркадий Рахманов